

РАЗМЫШЛЕНИЯ И РАЗБОРЫ СТАТЬЯ I

(Окончание)

III. О ПОЭЗИИ ЕВРЕЙСКОЙ¹⁶

Поэзия еврейская, или лучше сказать библейская¹⁷, отличается от всех ей современных строгим и важным понятием о Божестве. Все события, общие и частные, совершаются по благости или гневу везде присущего господа, все равно клонятся к его славе и хвале, нигде его величие и сила не были выражены так достойно, ни в какой поэзии нет столько единства, высоты и святости. Неизбежным последствием сих преимуществ есть некоторый недостаток разнообразия; страсти человеческие не могут развиваться свободно под всегдашним покровительством либо гонением Бога всевластного, нет борьбы там, где нет равенства в борющихся. В Библии только два рода лиц: любимцы Саваофа и враги его, белые и черные: все прочие краски сливаются и исчезают.

Книга *Бытия*¹⁸, по мнению моему, прекраснейшая из всего Священного писания¹⁹. Изображение²⁰ первых веков мира и кочующих пастырей-патриархов восхитительно; оно с детства пленяет чувство и воображение. Смерть Авеля²¹, жертвоприношение Исаака²², Агарь²³ в пустыне, Иаков²⁴ с сыновьями, паче всего чудесная судьба благодушного Иосифа²⁵, никогда не изгладятся из памяти, хотя бы случилось в

первый раз узнать их из ничтожной карманной книжки с картинками. Нет поэта или живописца, который бы не мог найти в них богатый источник красот простых, чувств, услаждающих сердце, и удивления достойно, что, кроме Рафаэля²⁶ в его *Ложах*²⁷, никто не извлек из сего источника ничего отменного; даже у Мильтона²⁸ Адам и Ева не удовлетворяют вполне, слишком сладки, роскошны, почти жеманны, словом: не то.

Книга *Руфь*²⁹ сельскою своею краскою и пленительным простодушием ближе всех к книге *Бытия*: я не знаю идиллии совершеннее.

В *Псалтыри*³⁰ хранятся сокровища красот лирических и описательных; много из нее черпали, и еще много осталось. Смелость выражений, резкость оборотов могут часто привести в отчаяние перелагателя.

Из *Пророков*³¹ в отношении поэтическом отличаются: Исайя, Езекииль и

70

Иеремий³². Первый высокостью часто равен Давиду³³, второй поражает смелостью картин, последний волнует душу слезным напевом. Их перелагали по частям почти столько же, как и псалмы.

Книги: *Царств*³⁴, *Иудифь*³⁵, *Есфирь*³⁶, *Макавейские* более исторические; однако Расин нашел в них содержания двух трагедий³⁷, увенчавших его бессмертною славой, и если его пример не произвел более, виною тому недостаток дарования в последователях.

Книга Судей³⁸ богата лицами и событиями; в ней особенное внимание заслуживают два, ожидающие только искусного трагика: Исфай с дочерью и Левит Ефраимов, обещанный и отпущенный.

Книги: Иов³⁹, *Еклезиаст*⁴⁰, Соломоновы⁴¹, также *Иисуса, сына Сирахова*⁴² философические; в них поэзия только местами: все русские знают, конечно, выбранное Ломоносовым из Иова⁴³.

В *Товите*⁴⁴ много простоты и заманчивости; в “Песни песней”⁴⁵ сладости и блеска. Романтическая школа превозносит похвалами индейскую Саконталу: в чем ей уступит еврейская Суламита? Не знающему еврейского языка кажется, нет приличнее библейским понятиям, чувствам и картинам нашего церковного. Лучшие стихотворцы едва, и то не везде, достигают его высоты и силы, краткости и смелости, мягкости и роскоши. Должно ли, можно ли у нас отставать от него в переводах или подражаниях Священному писанию? Язык общества, сказочек и романов, песенок и посланий достоин ли высоких предметов библейских? Обезображенные им, они теряют наружную важность и внутреннее достоинство: это пастырь холмов ливанских во фраке.